

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2021" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений "Кубка Мира" будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2021 года.

Имена авторов подборок будут объявлены 31 декабря 2021 года в Итоговом протоколе конкурса.

1 место

Конкурсное произведение 167. " [Штрихпунктир](#) "

Точка-точка-тире, тамбур-тамбур-вагон,
барабанным пунктиром гремит перегон,
вот бельмо семафора, вот мачты рога,
полустанками крутит и вертит пурга,
в полосу отчуждения вбиты столбы,
обстоятельства времени, места, судьбы
по каким-то своим штрихпунктирным осям,
вот и вся изометрия, или не вся?
Невозможно уснуть и уйти в глубину,
ты глотаешь огни, словно окунь — блесну,
и гадаешь вслепую, где нос, где корма,
за бортом только снегом кипящая тьма,
а в окно проводник мимоходом налил
полстакана чернил, полстакана белил.
За плацкарту без мест рассчитайся сполна,
этот общий вагон — деревянный пенал,
в нём под крышкой катаются карандаши
и грохочет в ушах: «напишу!» «напиши!»,
по штaketнику шпал простучит «не забудь!» —
это пепел прощаний колотится в грудь,
это порох пути в твоём горле першит,
это вьюга летит и метёт во всю ширь,
прошивает тебя штрихпунктирная ось,
лучевая симметрия пятен, полос,
всех отметин родимых, примет родовых,
но не сходство — родство ударяет под дых,
перепутаны знаки, размыты следы,
не напиться железнодорожной воды.
Этот поезд в огне не сгорает, гудит
и толкает соломенный свет впереди,
тамбур-тамбур-вагон, отлетающий шум,
точка-точка-тире, «напиши!» — «напишу!»

2 место

Конкурсное произведение 137. " [Шарик улетел](#) "

до поры смеявшийся до колик,
вдруг услышишь за спиной щелчок
и поймёшь, что ты не умный Кролик,
а простой невротик Пятачок.

обманув Меркурий ретроградный,
из себя, оставшись в меньшинстве,
выйдешь вон и не войдешь обратно,

потому что «посторонним В.».

посреди родного захолустья,
где играют с жизнью в поддавки,
иссиня-зелёный шарик грусти
выпустишь однажды из руки,

и куда б ни вывезла кривая –
будешь любоваться, как вдали
он летает, преодолевая
силу гравитации Земли,

и глядит, уже не круглолицый,
с заданной съезжая высоты,
как Земля тяжёлая кружится
и летит, а вместе с ней и ты.

3 место

Конкурсное произведение 138. " [Старый кот](#) "

Старый кот болеет, умирает,
и, не зная, чем ему помочь,
мама на руках его качает,
вряд ли он осилит эту ночь.

Я пришёл, а маме не до шуток.
Мама не сказала мне "привет".
Старый кот ныряет в промежуток
между "я умру" и "смерти нет".

Бледно освещается терраса.
Я сижу поодаль просто так.
И ещё ведь муркает, зараза.
Ластиться пытается, дурак.

Мама говорит ему: ну что ты.
Мама говорит ему: а вот
мы с тобой сейчас откроем шпроты.
И зовёт по имени, зовёт.

Как на смерть ни топай и ни шикай,
не отгонишь дальше рукава,
вот и исчезает кот чеширский
насовсем под мамины слова.

На столе не тронута шарлотка,
не сказала мама мне "пока",
лишь плывёт, плывёт ночная лодка —
вдоль по шерстке мамина рука.

4 место

Конкурсное произведение 422. " [Кафка](#) "

Иду по кромке вызревшего поля,
попутчик рядом — полукровка-колли —
прибился возле станции «Лесной».
Не я живу здесь — дача у подруги,
и не пойму, с какого перепуга
он увязался именно за мной.

Могла бы прямо, но пошла по полю,
хотелось солнца, синих колоколен
на сильных перекрученных корнях.
Он следом плёлся по дороге сорной,
всем видом демонстрируя покорность,
назначив предводителем меня.

Сосисок нет — бисквитное печенье
исчезло в пасти.
— Видно, ты ничейный?
Он машет мне свалявшимся хвостом.
— Такое дело... знаешь, — говорит он. —
На этом свете все ничьи, но чьи-то,
и совершенно вольные на том...

— Ты знаешь мой язык? Ну, прямо демон!
— Да нет, конечно, что ты куришь, Лена?
Я просто пёс, обычный старый пёс,
я разучился выть и даже гавкать,
а ты, должно, перечитала Кафку, —
и снова в ход пошёл плешистый хвост.

Шпионил ветер, нервничало небо,
скопились тучи оборонным гребнем
и осмелел новорождённый гром.
По кромке неба, растворяясь в хмарах,
бежал мой колли, вольный и нестарый,
виляя распушившимся хвостом.

Он улыбался или даже гавкал,
гроза кривилась улетающей галкой* –
как ломкий росчерк на листе пустом.
А на конвертах плавилась чернила,
и вместе с летом память уходила
бродить по миру беспризорным псом.

На этом белом свете.
И на том.

*Кафка в переводе с чешского – галка. Изображениями этих птиц отмечали фирменные конверты семьи

5 - 10 места

Конкурсное произведение 136. " [Ионолёт](#) "

Осенний мягкий воздух, благодать.
Эх, если б взять сейчас и полетать,
как мы давным-давно во снах летали.

А вдруг не зря об этом говорим?
Ведь будет тело, обещал А Грин,
из прочной, розовой и лёгкой стали.

Представьте: я – живой ионолёт,
не только я один, но целый флот,
людской воздушный флот висит над рощей.

Висит и в первый и в последний раз.
а снизу псы и кошки ищут нас,
да красный клён попался к ветру в ошип.

А снизу вьются тропки и ручьи,
трепещет флюгер, тишина молчит,
в полях трава, наполненная снами.

И дальше, там, в лиловом далеке,
в еловой мгле, в топлёном молоке,
там дремлет всё несбывшееся с нами.

К чему мечтать? Дела зовут, пора.
Но стойте, вон – из школы детвора
плывёт сквозь листопад столичной липы.

Нам не успеть, нам поздно, знаю сам.
Ионолёт не будет в небесах.
Но в детстве мы, наверное, смогли бы.

Однажды мне приснился сон, где люди могли летать сами, без каких-либо приспособлений, благодаря тому, что тело вырабатывало ионный ветер. Во сне всё это увязалось с фразой Александра Грина: «тело из розовой стали будет у нас» и с его летающим человеком.

Конкурсное произведение 89. " [Смирнов](#) "

Я встретил одноклассника Смирнова.
Я помню имя, но всегда для всех
он был Смирнов и только, а ещё
он был кошмаром для математички,
любимцем физрука с трудовиком,
обычным рыжим и вихрастым парнем,
как сказано, по имени Смирнов.

Я встретил одноклассника Смирнова.
Был, кажется, две тысячи второй,
шло лето, и среди ничтожно малых
архитектурных форм, киосков то есть,
сидел в каталке невозможный, странный,
непоправимо маленький Смирнов,
точнее то, что от него осталось –
лицо со шрамом, руки, новый тельник
и туловище без обеих ног.
Я молча подошёл к нему на ватных
конечностях, ни разу не ступавших
на грунт Афганистана и Вьетнама,
и мест иных, где оставляют ноги,
должно быть, в лучшем случае, солдаты,
которых генералы разных стран
с оркестром отправляют воевать
за идеалы, родину и просто
чтоб неповадно было инсургентам,
тем более, что выводить с позором
войска потом приходится другим...
Так вот... Тогда, приблизившись к нему,
я неуклюже опустил в коробку
у колеса какую-то купюру,
хотел взглянуть в глаза, и не нашёл
в себе на этот взгляд душевных сил,
но позже оглянувшись, и увидел,

как тень от безучастного Смирнова
везёт по раскалённому асфальту
подруга ли, невеста ли, жена...

Я встретил одноклассника Смирнова.
Прошло так много лет, но до сих пор
я помню, как в висках моих стучала
мной никогда не пролитая кровь,
как я боялся и хотел услышать
смирновский басовитый окрик в спину,
знакомый голос школьного балбеса,
любимца физрука с трудовиком...
За то, что я тебя тогда не обнял,
ты, если жив, прости меня, Смирнов.

Конкурсное произведение 205. " [О милосердии](#) "

Без жалости солнце пекло над Калугой.
К полудню закончился танковый бой.
Ползла медсестра по цветущему лугу,
Двух юных танкистов тащила с собой.
Огонь опалил им и руки, и лица;
Один без ноги был, другой – ранен в грудь.
Мечтала она: «Эх, воды бы напиться
И только минутку одну отдохнуть!»
Ползла, метр за метром, по белым ромашкам,
«Держитесь, мальчишки», – шептала двоим;
А сердце сжималось: «Ты спятила, Машка,
Фашиста безногого тащишь к своим;
Но бросить его – через час он погибнет.
Что делать?! Будь проклята эта война!»
Он взглядом её умолял: «Помоги мне!»
Нет, бросить больного не сможет она.

– Вильгельм, что ты скажешь?
– Она симпатяжка!
Два немца прижали бинокли к глазам.
– Но жаль мне её – ей приходится тяжело.
– Так будь милосерден и на небеса
Отправь всех троих, чтоб не мучились боле.
– А может, подарим им тридцать минут:
Пускай поживут, проползут это поле?
Они же на мушке, от нас не уйдут.
– Не стоит тянуть, – возразил Эрих. – Или
Ты хочешь смотреть, как страдает она?

И, взяв пулемёт у притихшего Вилли,
Он выпустил очередь:
– Всё, им хана.
– Плохой ты стрелок: только ранил девчонку, –
Она вся в крови, но ползёт к ним опять.
Ей нужно помочь! Отойди-ка в сторонку –
Сейчас ты увидишь, как надо стрелять.
Прицелился. Длинная очередь снова.
– Учись, я награды имел по стрельбе!
– Недурственно, Вилли, вся тройка готова.
Господь всемогущий, прими их к себе.
– Подай мне, дружище, баклажку с водой,
Во рту пересохло.
– Да, солнце печёт...

А вскоре во время жестокого боя
Снаряд миномётный накрыл их расчёт.
Вильгельм умер сразу, а раненый Эрих
Метался и бредил ещё полчаса –
Он видел свой Магдебург в сумерках серых
И слышал мальчишек своих голоса...
Когда он совсем обессилел от боли,
Весь мир заслонив, проступило сквозь тьму
Лицо санитарки, убитой на поле, –
Она с сердоболью склонилась к нему.
И Эрих на миг ощутил эйфорию
От глаз лучезарных – и сразу же сник:
«Спаси, милосердная дева Мария!» –
Хотел крикнуть он, но застыл в горле крик.

Конкурсное произведение 404. " [О чём ты](#) "

Глаза открываешь, и вот,
не листья слетают, а даты,
и мама уже не живёт.
Куда ты спешила, куда ты.

Тебя же здесь любят, ну, да,
картинка свежа и отрадна,
да если бы не ерунда ,
что нет никакого обратно

туда, где под старым плющом,
ещё не любить не научена,
и маму, и тех, кто прощён,

ты весело бесамемучила.

Посмотришь в окно на бегу,
о чём ты тоскуешь, о чём ты,
и за отпечатками губ
твои подбегают девчонки.

И осень теплом налита
от нежности неубывающей,
и, главное, дверь заперта
надолго и ладно. Туда ещё

беззвучная до немоты,
не зная, зачем и во имя,
прекрасная прежняя ты
рванёшь за своими.

Конкурсное произведение 222. " [Стишок как я разбил и клеил горшок](#) "

«Разбитую чашку можно склеить, но
звенеть она уже не будет»
(народная мудрость)

Был звенящий горшок - лет, наверное, двести: глазурь, и узор, и округлый изгиб. Моего деревенского лета примета и вообще - безмятежного детства. Папа только его и ещё где-то два-три предмета взял с собой, дом продав, навсегда уходя из станковской* избы.

Говорил мне, что этот горшок с довоенного времени помнил. Да и я поражаюсь, как бабка - поджара, легка - ловко прыг в чёрный погреб (в Станках говорили: в «подполье»), размешает сметанную плёнку - и лилась из горшка по стаканам река молока.

Я решил увезти его - это не купишь за деньги. Кабы знать наперёд... И ещё по бокам. И назад. Я ж не думал, какие тончайшие стенки гончарили предки! Я же кутал, сдавая в багаж! Идиот. Что ж в кабину-то было не взять?

В общем, сумку открыл - в ней лежат, и скрипят, и глазурью сверкают осколки - их вид так в глазу и стоит. Я старинную крынку по лени и глупости кокнул. И, себя проклиная, решил, по-станковски опять выражаясь, склеИть.

Тут ведь дело не в том, что осколки - всех форм и размеров, и что дыры (как в этом стишке), и что склеить трудней, чем разбить... Будь палата ума в котелке - если ладишь куски, не умея, встык последний не влезет - вот тоже как здесь, паразит.

Но я клеил куски, как мозаику, жал, конопатил, крошку сыпал и лачил, и ножичком клей подчищал... И просил, всё просил и просил: ты прости меня, сына безмозглого, папа. И себя утешал: ничего, он простит. Он, живой-то, ещё и не то мне прощал.

А потом убеждал, что от трещин почти и следа нет, с собой примирял и к себе я примеривал этот горшок. Не беда, что звенеть он не станет, - шептал - и что в печь не поставить. Он своё отзвенел, отстоял уже - хватит. Напоследок вот можно, к примеру, поставить цветок.

*Станки - родная деревня моего отца

Конкурсное произведение 336. " [Дом у семи рек](#) "

Говорили древние: будь храбрей!
Этот мир — пространство семи морей,
но известны два лишь.
А из моря в море ведут семь рек.
Сомневайся, верь в себя, человек —
от судьбы не свалишь.
И вверяя лодкам (читай: судам)
от судьбы до кто его знает там,
что ещё вверяя,
капитаны думают: нет границ.
Ойкумене, водам, влекущим вниз —
ни конца, ни края.
...
Заливая пойму, течёт река.
У неё пологие берега
с камышом и вербой.
Лодкам тесно — трутся бортом о борт.
Пристань с домом. Двери сулят комфорт,
но за ними — цербер.
У дверей растерянный капитан.
...
Цербер смотрит: кто ты? ну кто ты там?
Кто ты там, скажи мне.
Что сюда вас гонит из разных стран?
Здесь полы грязны, подтекает кран
и тоска по жизни.
Что стучишься? Думаешь: твой причал?
Ты и в прошлой жизни на всех стучал.
Цербер знает точно:
где лицо скрывается под лицом,
там привычно встретиться с подлецом.
...

Наступает ночь, но
капитан на пристани взаперти —
не уйти. И пёс в дверях на пути.
И куда идти-то?
Капитана мучает нервный тик.
Здесь финала нет — это он постиг,
и глядит сердито.

...
Посредине мира и дома — дым
в небеса уходит столбом густым,
подаёт сигналы.
Семь дорог ведут в этот мир, семь рек,
и по ним приходят за веком век
моряков немало.
Всё идут по тропам да по пятам.
Капитаны... (что' ты!).

...
- Ну что ты там
у порога мнёшься?
Заходи, открыто, растопим печь,
на лежанку можешь пока прилечь,
а устал, вздремнёшь там.

...
Капитан заходит (а как ещё?).
Капитану тут же предъявлен счёт.
Капитан постиг суть
уходящих медленно с похорон,
переплывших Лету и Ахерон
по дороге к Стиксу.
В доме людно — очередь у печи.
На поддоне сажа. Внутри фурчит
человечья память...

...
По реке плывут и плывут суда.
Им придётся ждать своего суда.
И страшней не станет.

